

Москва

12
2017

Журнал русской культуры

Выходит с марта 1957 г.

УЧРЕДИТЕЛИ:

Союз писателей России

Российский Фонд Мира

Трудовой коллектив

журнала «Москва»

16+

12
2017

СОДЕРЖАНИЕ

ПРОЗА И ПОЭЗИЯ

Алесь КОЖЕДУБ. Мерцание золота. <i>Роман</i>	3
Сергей АРУТЮНОВ. Век, завязанный узлом. <i>Стихи</i>	118
Михаил ЧВАНОВ. Бывшая земля. <i>Рассказы</i>	122
Семинар на Байкале: Дарья ИЛЬГОВА, Максим МАТКОВСКИЙ, Василий ПОПОВ	131
Ксения ВЕЖБИЦКАЯ. Дед. <i>Рассказ</i>	142

ПУБЛИЦИСТИКА

Игорь АНДРУШКЕВИЧ. Происхождение и эволюция выражений «диктатор» и «диктатура»	145
Алексей ТОПОРОВ. Татарстан: государство в государстве?	153

КУЛЬТУРА

К 50-летию первой публикации «Мастера и Маргариты» в журнале «Москва»	
Вячеслав ОГРЫЗКО. «Вопрос о целесообразности публикации...»	160
Андрей ВОРОНЦОВ. Метаморфозы Набокова	166
Людмила ГОЛУБЕВА. Подарок судьбы	171
Лев АНИСОВ. Никита Петрович Федосов	175
Алексей МИНКИН. Почти что в Крыму	184

НАШИ ПУБЛИКАЦИИ

Юрий КАЛУГИН. Госпожа К.	201
---------------------------------------	-----

МОСКОВСКАЯ ТЕТРАДЬ

Юрий КОМАРОВ. Как закалялась сталь 217

ДОМАШНЯЯ ЦЕРКОВЬ

Протоиерей Петр АНДРИЕВСКИЙ (†2012),
Николай КАВЕРИН. Кто такой «удерживающий»? 225
Архимандрит РАФАИЛ (КАРЕЛИН). Ориген и либерализм в Церкви 230

Содержание журнала «Москва» за 2017 год 234

Главный редактор В.В. АРТЕМОВ (495) 691-71-10

Генеральный директор В.В. КОВАЛЕВ (495) 691-83-91

Заместитель главного редактора М.М. ПОПОВ (495) 691-71-10

Ответственный секретарь О.И. КИРЕЕНКО (495) 691-83-64

Отдел прозы и поэзии Т.А. НЕРЕТИНА (495) 691-68-01

Домашняя церковь С.И. НОСЕНКО (495) 691-68-01

Главный бухгалтер Л.Э. БУДНИКОВА (495) 691-83-84

Заведующая редакцией М.В. БИКАШОВА (495) 691-71-10

Корректор О.И. ИВАНОВА

Технический редактор Е.Ю. ЕРОФЕЕВА

Общественный совет:

игумен ЕВФИМИЙ (МОИСЕЕВ), П.Н. КРАСНОВ, В.Н. КРУПИН, В.А. КУЛЬЧИЦКИЙ,
П.В. МУЛЬТАТУЛИ, А.С. САЛУЦКИЙ,
М.Б. СМОЛИН (председатель), епископ ТИХОН (ШЕВКУНОВ)

Рукописи не рецензируются и не возвращаются. Отклоненные рукописи сохраняются в течение года. Рукописи, присланные по электронной почте, не рассматриваются. Материалы принимаются только в распечатанном виде по адресу редакции. Журнал не публикует поэмы, либретто и сценарии.

Подписано в печать 14.11.17. Формат 70x108 1/16. Бумага газетная. Печать офсетная.

Тираж 1480 экз. Заказ 7488-2017.

Свидетельство о регистрации № 554 от 29 декабря 1990 года Министерства печати Российской Федерации

Подписные индексы: 73253 — каталог РОСПЕЧАТЬ, 15612 — «Пресса России», 45211 — каталог «МАП».

Адрес редакции: 119002, Москва, ул. Арбат, д. 20. Телефон +7(495) 691-71-10. Факс +7(495) 691-07-32.

Электронная версия журнала: www.moskvam.ru

e-mail: priem@moskvam.ru

Отпечатано в АО «Красная Звезда». 123007, г. Москва, Хорошевское ш., 38. Тел.: (495) 941-28-62, (495) 941-34-72, (495) 941-31-62. Сайт: www.redstarph.ru; e-mail: kr_zvezda@mail.ru.

ISSN 0131-2332

Выпуск издания осуществлен при финансовой поддержке Федерального агентства по печати и массовым коммуникациям.

© Журнал «Москва» № 12, 2017

АЛЕСЬ КОЖЕДУБ

МЕРЦАНИЕ ЗОЛОТА

Алесь (Александр Константинович) Кожедуб родился в 1952 году в г. Ганцевичи Брестской области. Окончил Белорусский государственный университет и Высшие литературные курсы при Литературном институте имени А.М. Горького в Москве.

Работал учителем, научным сотрудником, редактором на телевидении, главным редактором издательства «Советский писатель» и заместителем главного редактора «Литературной газеты».

Печатается с 1976 года. Автор многих книг прозы на белорусском и русском языках, а также книг по истории «Иная Русь» и «Русь и Литва».

Лауреат литературных премий имени Михаила Шолохова, Ивана Бунина, дипломант премии имени Антона Дельвига.

Живет в Москве.

РОМАН

Часть первая Печать Мулатова

1

«Все-таки придется искать работу», — подумал я, услышав свист пули над головой.

Точнее, пули не свистят. Как ни странно, этот звук был мне знаком, и я почувствовал некоторое удовлетворение, заслышав его. Каждый мужчина должен отличать жужжание пули от всех прочих звуков.

Ко мне это знание пришло в Речице, где я жил с родителями в середине шестидесятых. После шестого класса меня отправили в военно-спортивный лагерь. Это был лучший из лагерей, в которых мне приходилось бывать. Мы жили в военных палатках, в которых хоть и стояли раскладушки, но заправлять их было не обязательно. Нашими воспитателями и вожатыми были солдаты срочной службы, что, согласитесь, привносило в лагерную жизнь некоторую романтику.

В первой половине дня мы разбирали на время автоматы Калашникова. К концу смены мы легко разбирали и собирали их с завязанными глазами, не считая это каким-то достижением. Если ты с утра до вечера занимаешься одним и тем же, поневоле у тебя появляется навык. На это и была рассчитана служба в Советской армии.

После обеда мы купались в прозрачной речке Ипать, бегали кроссы и участвовали в учениях. Как мы едим в столовой, никто не следил, и после смены все воспитанники находились в прекрасной физической форме. Даже я при всей своей худобе сбросил пару килограммов. Родители не верили собственным глазам, наблюдая, как я расправляюсь с борщом и котлетами после лагеря. Картошки, и той не оставалось на тарелке.

Но я не о картошке.

Однажды мы проснулись от взрыва. «Взрывпакет», — подумал я, не открывая глаз.

— Тревога! — заорал наш командир взвода сержант Коля, откинув полог палатки. — Подъем!

Колю мы слушались, потому что главным аргументом при вдалбливании азов военной науки он считал затрещину. Коля никогда не читал о похождениях бравого солдата Швейка, но он легко вписался бы в славную когорту унтеров и фельдфебелей австрийской армии. Может быть, он даже подружился бы со старым сапером Водичкой и колошматил с ним на пару мадьяров.

Правда, Коле хорошо было и здесь, на берегах Ипути.

— В колонну по два становись! — скомандовал Коля. — За мной бегом марш!

Я, как и многие, бежал с закрытыми глазами. При хорошей муштре этому тоже можно было научиться.

Мы прибежали к реке.

— Стой, раз-два! — скомандовал Коля. — Сейчас мы форсируем реку и идем в наступление вон на ту высоту. Всем ясно?

Я с сомнением посмотрел на реку. Ипуть была не такой широкой, как Днепр в нашей Речице, но переплыть ее тоже было не просто.

— Вопросы есть? — спросил Коля. — Раздевайсь!

— А здесь можно идти по дну или надо плыть? — поднял я руку.

— Ты что, плавать не умеешь? — уставился на меня сержант.

— Не очень.

— Ни хрена себе! — почесал он затылок. — Кто еще не умеет, выйти из строя.

Полвзвода шагнули вперед.

— Н-да, — посмотрел по сторонам Коля. — Перетонете, где я вас ловить буду? Куда Ипуть впадает?

— В Сож, — сказал я.

— А Сож?

— В Днепр.

— Ну вот, аж в Киеве, — кивнул Коля. — Форсирование отменяется. Идем на склад за автоматами. Хоть стрелять научитесь.

Получив по автомату и рожку с холостыми патронами, мы разделились на два отряда. Один занял позицию на холме, мы засели на опушке леса.

И вот тут кто-то из противников влупил по нам длинной очередью из боевых патронов.

Откуда они у врага оказались, так и осталось тайной. Впрочем, наш склад с боеприпасами охранялся, как и в остальной армии, поэтому почти у каждого воспитанника в кармане можно было найти и патроны, и взрывпакеты, и даже штык-нож. Этот считался самой большой ценностью, но и был он только у Вовки Сороки, заместителя Коли.

Итак, пули, подобно шмелям, прожужжали над головой. Несколько сбитых веток упали на землю.

— Ложись! — закричал Коля и спрятался за сосну. — Узнаю, кто стрелял боевыми, убью!

Но и тот, кто стрелял, знал, что его убьют. Никто ни в чем не признался. На два дня нас отстранили от стрельбы, но потом все вернулось на круги своя.

Кстати, в том же военно-спортивном лагере меня укусила какая-то водяная тварь. Мы купались в лесном озере, берега которого были густо утыканы шишками розога. Я нырнул в мутную воду и вдруг почувствовал

удар в запястье. Через полчаса на руку было уже страшно смотреть. Она посинела, распухла, в ушах стучало, как при сильной простуде. Мои товарищи подходили ко мне, смотрели на руку и почтительно качали головой. В том, что это настоящее ранение, сомнений ни у кого не было.

— Змея, — сказал Коля, осмотрев руку. — Или сколопендра. На выпей таблетку и ложись в кровать. Станет хуже, отвезем в санчасть.

— БТР сломался, — сказал Сорока.

— А я танк из части пригоню, — строго посмотрел на него Коля. — Главное, чтоб к утру не помер.

К утру я не помер, но рука еще несколько дней болела. Меня освободили от марш-броска на танках, о чем я сильно жалел. Из-за проклятой сколопендры я так и не покатался на танке.

«И как это мы в этом лагере выжили? — думал я, прислушиваясь к жужжанию пуль. — Поневоле согласишься, что все в Божьей воле».

Стреляли из Белого дома. А может, как раз по нему. Россия совершала очередной исторический кульбит, и меня никто не спрашивал, хочу я этого или нет.

— Да, придется идти на службу, — сказал я вслух.

Я шел по улице Воровского к Центральному дому литераторов. Куда еще податься безработному писателю в смутную годину?

Но и дом был закрыт. Работали только те, кто штурмовал Белый дом и в нем сидел.

Я направил стопы в сторону редакции «Московского вестника». «Уж эти не станут прятаться», — рассуждал я.

И оказался прав. В редакции, как всегда, выпивали. Во главе стола восседал главный редактор «Московского вестника» Владимир Иванович Уткин. Рядом с ним сидели Костя Коледин и Толя Афанасьев. Они были авторы журнала и могли на равных с главным располагаться за столом. Сотрудники журнала с озабоченным видом сновали по кабинету, изредка присаживаясь, чтоб пропустить рюмку.

В углу на кресле дремал Володя Бацалёв.

Я на правах автора тоже сел за стол. Мне тут же налили рюмку.

В кабинет вошла Нина Бурятина, секретарь бюро прозаиков.

— Владимир Иванович, я больше так не могу! — сказала она, прикуривая сигарету от бычка из пепельницы.

— Что такое? — покосился он на нее.

— Вчера забирала Бацалёва из обезьянника, а он там с дитём!

— С каким дитём? — после паузы спросил Уткин.

— Со своим! Попал в вырезатель с ребенком, который еще ходить не может.

— А где он взял ребенка?

Мы все посмотрели на Бацалёва. Спящий, он походил на ангела, уставшего от земной маеты.

— Дома, — помахала рукой, разгоняя дым, Нина. — Решил, что с ребенком его в пьяном виде не заберут, а они забрали. И мне звонят: «Приходите за своим писателем».

— И что? — оживился Афанасьев. Обычно у него был сонный вид, но эта история его заинтриговала.

— Ничего, — пожала плечами Нина. — Прихожу, а он сидит за решеткой с дитём на руках. У того глазёнки как плоски, он ведь еще не говорит. Без слез смотреть невозможно. А менты смеются. Опять, говорят, твои учудили. Я уже устала их из обезьянника вытаскивать.

— Это который обезьянник? На Беговой? — спросил Коледин.

Он был спец по обезьянникам, побывал почти во всех в центре Москвы.

— Наш, на Баррикадной. На Беговую я не поехала бы, — снова помахала рукой Нина. — Владимир Иванович, может, открыть форточку? Дышать нечем.

Уткин пожал плечами.

— Так что все-таки было дальше? — спросил Афанасьев.

— Отпустили, — скорчила гримасу Нина. — Мне они всех отдают, хоть с дитём, хоть без. Вчера выхожу из ЦДЛ с вээлкашниками, а они стоять не могут...

Нина осеклась.

За столом загадели, снова переключившись на тех, кто сидел в Белом доме. Отпущенный из обезьянника Бацалёв публику интересовал гораздо меньше, чем Хасбулатов.

Я помнил Нину, чтобы она села рядом со мной. Поскольку я тоже учился на Высших литературных курсах, мне была небезразлична судьба их слушателей.

— Что за вээлкашники? — спросил я ее на ухо.

— Один поэт, второй прозаик, — тоже на ухо ответила мне Нина. — Вывела их из буфета, а они лыка не вяжут. Поставлю одного, второй по стенке сползает. Ставлю этого — второй падает. И помочь некому. Остановила частника, засунула обоих в машину, дала водиле трояк и отправила на Добролюбова. До сих пор руки болят, словно бревна грузила.

— Они и есть бревна, — кивнул я. — На ВЛК культурно пьющих почти не бывает.

— Да, я помню вашего монгола, — согласилась Нина. — Как его звали?

— Пурэвсурэн, — сказал я.

Мне было приятно, что я вот так сразу смог выговорить это имя.

— А также Есдаулет и Токтагул, — добавил я.

— Кто-кто?! — изумилась Нина.

— Тоже однокурсники, — не стал я вдаваться в подробности.

— Давай лучше выпьем, — сказала Нина.

Мы выпили.

— А тебя я все равно читать не могу, — проговорила она, отдышавшись.

— Почему?

— Плачу. Особенно этот рассказ, где батюшку убили. Потом полночи уснуть не могу. Алесенька, не пиши так больше! — Она взяла меня за руку.

Мне льстила высокая оценка моего творчества, но не писать именно так я не мог.

— А я предлагаю выпить за Верховный Совет! — поднялся во весь свой гренадерский рост Коледин. — За победу! Ура!

— Да, надо идти на службу, — вздохнул я. — Видишь, уже и Верховный Совет расстреливают.

— Ужас! — согласилась со мной Нина. — Скоро и нас разгонят к чертовой матери.

Страна стремительно катилась в пропасть, но в редакции «Московского вестника» этого не боялись. Русская жизнь без катастрофы — что свадьба без невесты.

Нужно было начинать жизнь заново.

2

К этому моменту у нас с Аленой уже появился сын. Он родился на сороковой день после смерти Георгия Афанасьевича, отца Алены, и не назвать его Георгием было нельзя.

Георгий Афанасьевич мучился суставами, в последние дни едва ходил, и в конце концов его сердце не выдержало. Сказались, во-первых, ужасающие условия в фашистском плену, а во-вторых, страсть тестя к рыбалке. Даже больной он сбегал от нас, садился на автобус и уезжал к ближайшему пруду.

Во Внукове рядом с больницей тоже был пруд. К середине лета он весь зарастал ряской, из которой торчали обломки дубовых сучьев. Рыбу на нем никто не ловил, однако Георгий Афанасьевич в первый же свой приезд вытащил парочку ротанов.

— Хорошая рыба, — сказал он. — Без костей.

Но Алена ротанов отдала кошкам.

— Бензином воняют, — сказала она.

Я спорить не стал. Пруд был настолько грязный, что нормальной рыбы в нем не могло быть по определению.

К этому времени участок Лепешинской, прилегающий к пруду, купил журналист Певзнер. Поговаривали, что уж он-то расчистит пруд, чтобы здешние дачники устраивали на нем гулянья, а некоторые, вроде Георгия Афанасьевича, ловили рыбу.

Однако этим мечтам не суждено было сбыться. Певзнер расчистил большой яблоневый сад на участке, обнес его высоким забором, но этим и ограничился. Пруд продолжал зарастать ряской.

— Могло бы быть хорошее место для отдыха, — сказал я.

— Он говорит, отдадите пруд в личное пользование — расчищу, — ответствовала жена.

— Кто ж ему отдаст, — хмыкнул я. — Чай, не при капитализме живем.

Но с развалом СССР капитализм как раз и грянул. Пруд, правда, так и остался ничей, а вот со всем остальным произошли большие перемены.

Опустели прилавки магазинов, зато вокруг них расплодились блошиные рынки, на которых можно было купить все — от бутылки водки до младенческой соски. Мне в принципе годилось то и другое, но младенцев вокруг было все же значительно меньше, чем пьяниц. Я свою коляску катал возле нашего дома в Москве практически в одиночестве.

— А кто станет рожать в годы разрухи? — объясняла мне жена. — Только такие дураки, как мы.

— А воля к жизни? — упорствовал я.

— Кончилась воля.

Это было похоже на правду. По телевизору рассказывали о бандитских разборках, землетрясениях и цунами, — и никто не говорил о младенцах.

Страна стремительно разворачивалась лицом к западной демократии.

— Когда нечего жрать, приходится пить, — втолковывали мне собутельники в «Московском вестнике». — Раньше надо было ребенком обзаводиться.

— Раньше не получалось, — оправдывался я.

С ребенком мы действительно припозднились. Но, значит, где-то там, наверху, было предопределено, чтобы наш Егор появился на свет именно в год распада СССР.

«Кому-то ведь надо жить дальше, — рассуждал я. — Не выжженную же землю оставлять после себя».

Но большинство граждан бывшей страны жили именно как в последний раз.

Из Минска в Москву на научную конференцию приехал Николай, с которым мы когда-то жили в одном доме.

— Хочу своего коллегу навестить, — сказал по телефону Николай. — Он недалеко от тебя живет, на Удальцова. Не составишь компанию?

Я согласился.

Дом, в котором жил товарищ Коли, по фамилии Астахов, находился рядом с метро «Проспект Вернадского». Это была типичная «хрущевка» — обшарпанная, с вонючим подъездом и исписанными ругательствами стенами.

— Переезжаете? — спросил я, оглядывая комнату, в которой жили Астаховы.

У нее был вид словно после ограбления или обыска. На мысль о переезде наводили два больших чемодана, стоявших посреди комнаты.

— В Штаты, — выглянула из кухни Ляля, жена Астахова. — Сейчас бутерброды принесу.

«Видная особа, — подумал я. — Но я в Штаты даже с ней не поехал бы. Язык плохо знаю».

— А я поеду, — сказал Астахов. — Этнолингвистов и там не хватает.

— А язык? — спросил я.

— Выучу, — пожал плечами Астахов.

Они были любопытной парой. Ляля была глазастая, с пышной гривой черных волос и яркими губами. Астахов длинный, худой, нескладный. Типичный ботаник.

— Сейчас выпьем самогонки, — сказал Астахов. — Сегодня выгнал.

Он ушел на кухню.

— Где преподает? — спросил я Колю.

— В МГУ.

— И что им здесь не сидится?

— Ляля дочка писателя Васильева, — сказал Коля. — Про белых лебедей читал?

— Читал, — кивнул я. — Но сам Васильев вроде в Америку не собирается.

— А Ляля с ним не живет. Родители давно развелись.

— Понятно, — сказал я.

Я подумал, что все-таки не очень хорошо разбираюсь в московской жизни. Как был провинциалом, так и остался. Для меня Москва даже в нынешнем ее виде по-прежнему город мира. А Ляле, видимо, подавай Нью-Йорк. Астахов там тоже будет дурь гнать?

— По самогону он специалист высшего класса, — сказал Коля. — Впрочем, как и по этнолингвистике. Но такую самогонку, как у него, я мало где пил.

Коле можно было верить. Лингвист-диалектолог, он объездил не только Белоруссию, но и Украину с Польшей. А что пьют аборигены?

— Давненько не пивал полесской, — вздохнул я.

— Сейчас московской попробуешь.

Астахов вышел из кухни с бутылью, в которую под завязку были напиханы апельсиновые корки.

— Я ее очищаю сначала марганцовкой, потом корками, — сказал он. — Настаивается не хуже коньяка.

Мы выпили по стаканчику и закусили бутербродами со шпротами, которые подала Ляля. Самогонка действительно была отменная.

— Хватит мучиться, — презрительно покосилась на бутылку Ляля. — Я Петра уже пристроила ordinary профессором в Университет Торонто. «Торонто вроде в Канаде», — подумал я.

— Потом переедем в Америку, — посмотрела на меня Ляля. — Главное, зацепиться.

Я согласился. Зацепиться — очень важный момент в жизни. Как зацепишься, так и провисишь. Была бы пещера хорошая.

— А вы чем занимаетесь? — в упор разглядывала меня Ляля.

— Бомблю, — пожал я плечами.

— Шура писатель, — сказал Коля.

Шурой меня называли только студенческие товарищи. Это повелось с наших первых выездов на рыбалку. По вечерам в лесу какие развлечения? Спирт да приколы. «У Шуры шары, шуруп и шайба», — декламировал Саня Калюта. Он у нас был записной остряк.

— «Бомблю» — это «вожу»? — заинтересовалась Ляля.

— Ну да. Вчера одну девушку подвозил. Сама в коротком платье, в руках кошелек и бутылка водки в авоське. Упала на сиденье, сказала адрес и тут же уснула.

— Почему? — удивился Астахов.

— Пьяная, — объяснил я.

— Бутылка водки початая? — спросил Коля.

— Нет. — Я тоже удивился.

— И что дальше? — перебила нас Ляля.

— Ничего, — посмотрел я на нее. — Возле дома разбудил. Она говорит: «Пойдем выпьем». «Не могу, — отвечаю, — за рулем. Давай плати, как договаривались». «А мы договаривались?» — кокетничает девица.

Я замолчал.

— Заплатила? — после паузы спросил Коля.

— Куда она денется? — сказал я. — Не было бы денег, отдала бы натурой.

— Какой натурой? — плотоядно облизнулась Ляля. Сейчас она была особенно хороша. Хлебнет с ней Астахов в своем Торонто или где они там окажутся!

— Водкой, — сказал я. — Забрал бы бутылку, и все дела.

— Вот поэтому я и сваливаю, — разочарованно отвернулась от меня Ляля. — Здесь ни с кем ни о чем нельзя договориться.

— Почему? — разлил самогон по стаканчикам Астахов. — Хорошо сидим.

Видимо, ему тоже не особенно хотелось сваливать в Торонто. Но кто его спрашивает?

— А я перехожу в страховой бизнес, — отдышавшись, сказал Коля. — Костя к себе зовет.

— Это какой Костя? — перестал я жевать.

— Мент. Мы с ним в «Крыжачке» танцевали. После университета он пошел в менты, а сейчас открывает страховую компанию. Берет к себе заместителем.

— И правильно, — сказала Ляля. — Откроешь за границей филиал и свалишь. Все так делают.

— Все, да не все, — взял еще один бутерброд Коля. — Там стартовый капитал знаешь какой нужен?

— А мы без капитала, — закрыла тему Ляля. — Здесь только такие, как наши соседи по подъезду, остаются.

— Им не нравится запах самогона? — посмотрел я на Астахова.

— И это тоже, — поморщился тот. — Но в основном интеллигенты.
 — То же самое было в семнадцатом, — кивнул я. — Хоть коммунизм, хоть капитализм, а интеллигенты никому не нравятся. Гнилая кровь.
 — Голубая, — поправила меня Ляля.
 Мы выпили еще по стаканчику, распрощались и ушли.
 — Хороший мужик, — сказал я на улице Николаю. — Где он Лялю нашел?
 — Это она его нашла, — засмеялся Коля. — Талант, без пяти минут доктор наук. А какой самогон делает?
 — Талантливый человек талантлив во всем, — вспомнил я чьи-то слова. — Станет совсем тяжело, пойду к тебе в страховые агенты.
 — Давай, — хмыкнул Коля. — Там, правда, больше Остапы Бендеры нужны. А у тебя все же машина.
 Это было правдой. Машина сильно выручала нас. За вечер я зарабатывал тысячу, а то и две. Ночью расценки были выше, но я на ночную работу не отваживался. Все-таки я был больше писатель, чем водитель.

3

— Я бы взял вас к себе, но у нас зарплата маленькая, — сказал Сафонов. — У Вепсова больше.
 Как истинный интеллигент из провинции, Эрик обращался к своим собеседникам исключительно на «вы». А может, это была привычка чиновника, которым он поневоле стал на посту главного редактора.
 Мы с Эриком сидели на веранде его внуковской дачи.
 — Почему Романов не заходит? — спросил я.
 Романов, первый секретарь Союза писателей России, жил на первом этаже, под Эриком. Я знал, что они с Сафоновым дружат.
 — Как все капитаны дальнего плавания, он пьет в одиночку, — сказал Эрик.
 — Почему? — удивился я.
 — С командой им пить нельзя, вот они и давятся у себя в каюте. Об этом у всех мореманов написано.
 — Даже у Иванченко?
 — И у него, — кивнул Эрик. — Я Бориса каждый раз приглашаю. «Хорошо», — говорит и не приходит. Так что придется и нам в одиночестве.
 — У нас Том, Чук и Мери, — сказал я. — Очень приличная компания.
 — Это правда, — разлил по рюмкам Эрик. — Дети тоже редко приезжают. А как ваш сын?
 — Растет, — сказал я. — Файзилов нас встретил с коляской, посмотрел и говорит: «Какой осмысленный взгляд!»
 — Внуковский, — согласился Эрик. — Так что идите к Вепсову. Его Бондарев двигает, и не исключено, что на самый верх.
 Вепсов жил в квартире за стеной, но сейчас его во Внукове не было. Вчера при Эрике он пригласил меня к себе на работу в журнал «Слово». Но я хотел к Эрику.
 — У вас зарплата совсем маленькая? — спросил я.
 — Меньше некуда, — вздохнул Эрик. — Народ разбегается. Остались Авсарагов, Ованесян и Тер-Маркарян.
 — Для «Литературной России» очень хороший подбор, — кивнул я. — Может быть, подождать лучших времен?

— Лучше уже не будет. А вам надо к Вепсову.

И я пошел на службу в издательско-производственное объединение «Слово», которым руководил Вепсов. Моя должность звучала очень весело: заместитель главного редактора по издательским проектам. Но на самом деле я был кем-то вроде экспедитора.

Главным редактором этих самых проектов был Владимир Белугин. Мы издавали серию приключенческих романов — Майн Рид, Жюль Верн, Фенимор Купер. Моя задача заключалась в отправке книг подписчикам. Я ездил по железнодорожным вокзалам, заключал договора с транспортниками и отправлял книги в разные концы страны. Частенько приходилось грузить книги самому.

— Заработаем денег — найдем грузчиков, — подбадривал меня Владимир Ильич. — Завтра из типографии приходит тираж очередного тома, проследи, чтобы все мужики из редакции были на месте.

Это тоже входило в мои обязанности — обеспечивать присутствие.

— Аяна больничном, — отговаривался Леша Тимофеев. — Жар, озноби...

— Понос, — кивал я. — Можешь, конечно, не приходиться, но Вепсову это не понравится.

Леша вздыхал, но на разгрузку являлся. Работой нынче не дорожили лишь те, кому нечего было терять. Например, Паламарчук. Но Петр все же был внуком сразу двух маршалов СССР. А маршалским внукам легче было справляться с трудностями, чем остальным.

В «Московском вестнике» я стал появляться гораздо реже, однако бывал.

— Что пьем? — спросил я, приглядываясь к стоявшей на столе бутылке.

— Спирт «Ройял», — сказал Коледин. — Очень хороший напиток, бьет наповал.

— У меня массандровский портвейн, — наклонился к моему уху Паламарчук.

— Тебе самому мало, — отказался я. — Я уж как все.

— Паламарчук, это правда, что вы выпили все вино у Берра? — осведомился Уткин, сидевший, как обычно, на председательском кресле. В нем он походил на прокурора в зале суда. Картину портил лишь стоявший перед ним стакан со спиртом.

— А кто вам сказал? — поднял одну бровь Паламарчук.

— Да уж сказали, — усмехнулся Уткин.

— Ну, выпил, — не стал отказываться Паламарчук. — Утром похмелиться охота, а все бутылки пустые. Я туда, я сюда — ничего нет. Засунул руку в резиновый сапог, стоявший у двери, — есть!

— Как ты догадался, что вино во Франции прячут в резиновые сапоги? — изумился Коледин.

— Наитие, — опустил долу цыганские глаза Петр.

— Талант, — сказал я.

— А что в Аргентине? — продолжал допрос с пристрастием Уткин.

— Ты и туда летал?! — Рука у Коледина дрогнула, и он пролил спирт на газету.

— Лучше бы не летал, — сказал Паламарчук. — Моим соседом в самолете был Солоухин.

— Очень хороший писатель! — очнулся человек, дремавший на кресле в углу, на котором обычно спал Бацалёв.

Отчего-то я понял, что этот человек не из писательского цеха.

— Таких жмотов свет не видел! — посмотрел на него Паламарчук. — Весь полет прикладывался к фляжке с коньяком, а мне не предложил ни разу.

— Сколько туда лететь? — спросил я.

— Часов десять. Представляешь — ни разу! В одиночку весь коньяк выжрал.

— Солоухин таков, — согласился Уткин. — Мне бы он предложил, а вот юнцам вроде вас — никогда.

— И вам бы не предложил! — загорячился Паламарчук.

Назревал скандал.

— А кто здесь писатель? — поднялся с кресла человек в углу. — Мне нужен романист.

— Вот он, — небрежно махнул в мою сторону Уткин.

Я романов не писал, но промолчал.

— Пойдем выйдем, — приказал человек из угла.

Только теперь я понял, что он из воинского сословия.

Мы вышли в коридор.

— Значит, так, — сказал вояка, усилием воли заставляя себя не качаться. — У меня есть сюжет, ты пишешь роман. Идет?

— Идет.

Наблюдая за его усилиями, мне было трудно заставлять себя стоять ровно, тоже хотелось покачнуться.

— На. — Он сунул мне в руки листок.

«Командиру ВЧ 15 956 полковнику Пушкину А.Г., — прочитал я, — от командира 1-й авиаэскадрильи подполковника Григорьева В.И. рапорт о служебном расследовании».

— И что? — посмотрел я на вояку.

— Ты читай, читай.

Я стал читать.

«20 августа 1987 года экипаж майора Гумилёва Н.К. на самолете АН-12 № 83 выполнял полет по маршруту Львов — Луцк — Дубно — Львов. При этом проводилась перебазировка истребительной эскадрильи с аэродрома Луцк.

Выполнив задание, по метеоусловиям Львова экипаж остался на ночевку на аэродроме Дубно. После ужина в летной столовой экипажем в гостинице была выпита полученная от командира Луцкой эскадрильи пол-литровая (по утверждению экипажа) бутылка технического спирта.

Ночью помощник командира корабля Матвеев С.А. встал в туалет по малой нужде. Однако, уставший после напряженного летного дня, лейтенант Матвеев С.А. в темноте перепутал дверь в туалет с дверью во встроенный одёжный шкаф, вошел в последний и помочился в летные сапоги майора Гумилёва Н.К.

Майор Гумилёв Н.К. заметил происшедшее только утром, надев сапоги на ноги.

В результате сложившейся психологической несовместимости прошу изменить состав штатного экипажа самолета АН-12 № 83».

— Н-да, — сказал я, закончив читать.

— А резолюция? — спросил вояка, который спал стоя, пока я читал. — Резолюцию разобрал?

Действительно, на листке была резолюция, написанная от руки.

— «Василий Иванович! — вслух прочитал я. — Не надо мне е...ть мозги! Буду я еще из-за всякой хрени изменять установочный приказ по части. Объяви Матвееву выговор за несоблюдение субординации, а Гумилёв пусть отольет в сапоги Матвееву и успокоится. Полковник Пушкин».

— Подпись есть? — спросил вояка.

— Есть, — сказал я.

— Вот, — сильно покачнулся он. — Писать будешь?

— Буду.

Я тоже качнулся.

— Сам Пушкин подписал! Бери рапорт себе.

Мы вернулись в кабинет председателя.

«Нет, Карфаген должен быть разрушен, — подумал я, взяв в руки стакан. — Сюжет не хуже “Капитанской дочки”. А может, и лучше».

— Договорились? — подмигнул мне Паламарчук.

— Эта штука сильнее «Фауста» Гёте, — сказал я.

— Напишешь — дашь почитать.

Мы с Петром чокнулись.

К сожалению, я тогда не знал, что мы с Паламарчуком больше не увидимся. Он сильно исхудал и пил свой портвейн уже через силу. А спустя месяц мне сообщили, что Петра не стало.

— Отпевание в Сретенском монастыре, — сказала по телефону Бурятина. — Придешь?

— Приду.

Народу в храме было не много и не мало, ровно столько, чтобы не было толкотни. Несмотря на окладистую бороду Петра, было видно, что он совсем молод, едва-едва за сорок.

«Один из самых талантливых моих сверстников, — думал я. — Его “Сорок сороков” останутся навсегда. Мы мрём сейчас от болезней или от невозможности жить?»

Отпевал сам отец Тихон. Пахло ладаном и еще чем-то, чем всегда пахнет в минуту прощания.

4

О том, что происходит в стране, лучше всего было видно по писательскому сообществу. Писатели не просто разделились на патриотов и либералов, — они передрались в прямом смысле этого слова. На одном из собраний писателю Курчаткину разбили очки, и он ходил, размахивая ими, как стягом повстанческой армии.

На другом собрании сибирский писатель Тигров вышел на трибуну, обозрел сидящих перед ним собратьев и молвил:

— Некоторые русские бывают даже хуже евреев.

Ему заплодировали и те и другие.

А мой непосредственный начальник Белугин подался в коммерсанты.

— Чем будешь заниматься? — спросил я его.

— Всем, — отвечивал Владимир Ильич. — Сейчас очень хорошее время для самореализации.

— Из меня коммерсант не получится, — вздохнул я.

— Это удел избранных, — усмехнулся Белугин.

На работу он стал приезжать на роскошном белом «крайслере». Когда тот парковался у нашего здания на Сущевке, его морда далеко высовывалась из ряда машин.

— Хороший автомобиль, — сказал я водителю Белугина Анатолию.

— Да он не заводится, если лампочка перегорела! — сверкнул тот глазами. — Кругом стоят датчики. Чуть что не так, отключает все на хрен!

— Датчик на алкоголь тоже стоит?

— Если б стоял, мы бы совсем не ездили, — заржал Анатолий. — Ильич без этого не может.

Я заметил, что в круг избранных попадали в основном поэты. Особенно хорошо это было видно в ресторане ЦДЛ. Владимир Ильич иногда приглашал меня на дружеский ужин, и к концу застолья за нашим столом оказывались поэты Байбаков, Медведский и Балбесов. Они говорили о вагонах с медицинской техникой, леспромхозах и пушкинских медалях из платины, золота и серебра. Поэт Медведский держал пуговичную фабрику.

— Не пуговичную, а фурнитурную, — поправлял он меня.

Я к тому времени перешел в издательство «Советский литератор», которое возглавил Вепсов.

— Чем там занимаешься? — меланхолично спросил меня Балбесов.

— Рекламой.

— Перспективное направление, — устремил он усталый взор на девицу за соседним столиком. — Я леспромхоз купил, а зачем он мне?

— В Сибири? — почтительно спросил я.

— На Севере.

Я знал, что Юра Балбесов был сыном генерального директора объединения «Магаданзолото». В начале девяностых того убили, и друзья директора купили вскладчину Юрочке леспромхоз. Чтоб не пропал, так сказать, поодиночке.

— Отдыхать в Испанию ездешь?

Поговаривали, что в Испании у Балбесова особняк.

— Не только, — усмехнулся Юра. — Ну и что мы будем делать с Танькой?

— Ее сейчас привезут, — сказал Медведский.

— Что за Танька? — спросил я Белугина.

— Наша сотрудница, — ответил тот, сноровисто расправляясь с шашлыком по-карски. — Украла вагон с медтехникой и свалила в Германию. Мы наняли людей из ФСБ и нашли ее. Сейчас привезут.

— Прямо сюда? — поразился я.

— Да вон ведут, — махнул рукой Белугин. — Ну что, пошли?

Балбесов, Медведский и Белугин поднялись и направились к столику, за которым устраивалась видная особа в сопровождении двух импозантных господ.

«И не скажешь, что воровка, — подумал я, разглядывая Таньку. — Ноги и вовсе до плеч».

Коммерсанты расцеловались с девицей, как лучшие друзья.

«Интересно, что делают с теми, кто украл вагон? — размышлял я, явственно ощущая холодок в животе. — Даже если у нее такие ноги?»

Девица хохотала, прикуривая у Балбесова сигарету. Изредка она с интересом оглядывалась по сторонам. Похоже, в ресторане ЦДЛ до этого она не была. Сопровождающие ее товарищи поднялись и ушли. Медведский с Белугиным тоже вернулись за наш стол.

— И что? — спросил я Белугина.

— Ничего, — поморщился тот. — Пусть Юра с ней разбирается.

Через какое-то время Балбесов с девицей поднялись и ушли из ресторана.

— Простил?! — не верил я собственным глазам.

— Не убивать же ее за какой-то миллион, — засмеялся Белугин. — Вернет оставшиеся деньги, и дело закрыто. Это же бизнес!

Мне такой бизнес был непонятен. Но я в него и не лез, хватало своих забот.

В издательстве я возглавил отдел рекламы и маркетинга, но что это такое, не знали ни руководство, ни рядовые сотрудники.

— Изучай вопрос, — сказал Гена Петров, который меня курировал. — Мы и редактора тебе даем.

Моя помощница оказалась стройной голубоглазой блондинкой.

— Лена, — порозовела она от смущения при знакомстве.

Мне тоже стало не по себе.

— Раньше рекламой занималась? — спросил я.

— Нет.

— А редактированием?

— Тоже нет.

— Что ж, будем учиться, — бодро сказал я. — Ваша мама...

— Замдиректора по производству.

— Где?

— У нас.

— А муж?

— В Израиле.

Как выяснилось, семейная жизнь Леночки была столь же ужасающа, как и в стране вообще. Муж Леночки оказался подлецом. Он, типичный русак из Коломны по фамилии Сидоров, женился не на обладательнице длинных ног и полного бюста, украшенных изящной головкой с пышными волосами и очами с поволокой, а на ее крови. Леночка была частично еврейка с родственниками в Израиле.

Муж, строитель по специальности, уехал в Израиль якобы для знакомства с родственниками. Там он провел маркетинговую кампанию — я уже знал, что это такое, — и сказал, что в Израиле можно организовать хороший строительный бизнес.

— И ты отпустила его одного? — спросил я Леночку.

— Но я же не знала! — Губы Леночки задрожали.

— А каков он внешне?

— Высокий, — потупилась Леночка.

— Н-да... — задумался я. — Тяжелый случай. И где он сейчас обретается?

— В Эйлате, на юге Израиля.

— Там ведь климат тяжелый.

— Летом за сорок. Но он говорит, что и в жару можно строить.

— Проходимцы строят при любой погоде, — сказал я. — У нас вон в Арктике строителей больше, чем в Москве.

Если бы я не был женат на своей Лене, я немедленно бросился бы свою сотрудницу спасать. Даже в горе она была так хороша, что устоять перед ней не представлялось возможным.

Но, к счастью, из издательства уволилась сначала мама Леночки, затем и она сама. А мой отдел был ликвидирован, и я стал просто редактором.

«Что ни делается, все к лучшему, — с легкой грустью подумал я. — Для меня она все же слишком хороша. А поляки говорят: цо занадто, то не здорово».

И я отправился утешаться в «Московский вестник». Там все носились с новым дарованием — писателем Палкиным.

— Тоже рассказы пишешь? — мрачно спросил меня Палкин.

— Пишу, — сказал я.

— Бросай, — налил он себе в стакан водки. — Самое последнее дело — писать рассказы.

— А Чехов? — возразил я.

— И Чехов дерьмо. Сейчас его никто не печатал бы.

За Чехова мне стало обидно. Изредка меня с ним сравнивали, и это как-то примиряло с действительностью.

С Чеховым еще в детстве у меня приключилась забавная история. Мы жили в Речице, я запоем читал Майн Рида, книги которого в городской библиотеке были редкостью. Там меня знали и откладывали Майн Рида в сторону, если вдруг кто-то его сдавал.

— Вас таких двое, — смеялась библиотекарша. — Читаете все подряд, скоро совсем ослепнете.

Вторым был Витька из параллельного седьмого класса. Он был настолько поглощен чтением, что у него не оставалось времени даже на сон, не говоря уже про еду. В следующий класс его переводили только потому, что у нас в стране было обязательное среднее образование.

В какой-то момент Майн Рид кончился окончательно, и я с утра до вечера пропадал на Днепре. «Вырасту, уеду в большой город и куплю там полное собрание сочинений Майн Рида», — думал я, вытаскивая укладыку.

Однажды я зашел в гости к уличному соседу Петьке. Сам он жил в Мончегорске, но на лето его привозили к бабке в Речицу.

— Твой? — показал я на книги, ровным строем стоящие на полке.

— Бабкины.

— Читал?

Петька посмотрел на меня как на идиота.

— Можно, я возьму одну?

— Бери все, — махнул рукой Петька. — Бабка их тоже не читает.

И я за лето одолел собрание сочинений Чехова в шести томах. Не скажу, что я дочитывал все рассказы до конца. Например, «Даму с собачкой» можно осилить только под дулом пистолета, но рассказ «Налим» был хорош.

До сих пор из писателей, портреты которых висели в классе, мне нравился лишь Гоголь. Его «Страшная месть» представлялась вершиной, на которую не вскарабкаться простому смертному.

И когда я упомянул имя Чехова при нашей «русачке» Марье Семеновне, она онемела.

— Кожедуб, — заявила она, придя в себя, — ты станешь писателем. У меня еще не было ученика, который в седьмом классе читал бы Чехова.

Впрочем, я и сам знал, что стану писателем, и не придал ее словам большого значения.

И тут какой-то Палкин заявляет, что Чехов дерьмо.

— Где ты его нашел? — спросил я Сербова, суетящегося подле Палкина.

— В самотеке, — не стал тот врать.

— Готов за него поручиться?

— Конечно, это новое слово в русской литературе.

— Ну-ну, — посмотрел я по сторонам.

В редакции уже практически все были пьяны, даже Уткин.

— С теми, кто не уважает Чехова, у нас не пьют! — заявил он, воинственно блестя очками.

Палкин, ни слова не говоря, поднялся и бросился на Уткина, норовя сорвать с его носа очки. Послышались глухие звуки ударов, сопение, со столов на пол посыпались рукописи. Сотрудники бросились разнимать дерущихся, что только увеличило суматоху.

Общими усилиями Палкина выкинули за дверь.

«Пора уходить, — подумал я, поднимаясь. — Без женщины пьянка превращается в драку, а с нами даже Бурятиной нет».

На выходе я увидел Палкина, который рвался назад в здание.

— Русского гения бьют! — орал он.

— Владимир Иванович, идите домой, пока под вторым глазом синяк не поставили, — урезонивал его Сербов.

Только сейчас до меня дошло, что Уткин с Палкиным полные тезки.

— Козлы! — бушевал Палкин. — Даже драться не умеете!

— Мы и не должны уметь, — сказал я Сербову. — На твоём месте я сходил бы за бутылкой.

— Иду, — вздохнул Сербов. — Как хороший писатель, так обязательно сволочь. Владимир Иванович, ты со мной?

— А с кем же ещё! — полез тот к нему целоваться. — Поехали ко мне, хоть выпьем.

— Его возьмем? — показал на меня Сербов.

— Нет, — отвернулся от меня Палкин.

Я с ним согласился. Два рассказчика за одним столом — это перебор.

5

Союз писателей СССР вместе с Советским Союзом почил в Бозе, и на его руинах возникло Международное сообщество писательских союзов.

— Какой-то МПС, а не Союз, — сказал мне консультант Дудкин. — А на месте машиниста бухарский меняла.

— Кто? — удивился я.

— Мулатов. Его дед был главным ростовщиком в Бухаре. А яблоко от яблони, как ты знаешь, падает недалеко. Консультантом по белорусской литературе к нам не пойдешь?

— Консультантом? — ещё больше удивился я. — Там же Володя Плотников.

— Уволился.

— А ты становись консультантом по совместительству, — посоветовал мне Вепсов, когда я ему рассказал об этом предложении. — Со вчерашнего дня я у Мулатова заместитель.

Это меняло дело.

В одной из комнат в особняке на Поварской мне выделили стол.

— Я ж говорил, что все образуется, — похлопал меня по плечу Дудкин. — План мероприятий составил?

— Какие сейчас мероприятия? — хмыкнул я. — Денег нет.

— Денег нет, а план должен быть, — засмеялся Дудкин. — Да и с деньгами не так все плохо.

Поговаривали, что Дудкин участвовал в переговорах по сдаче флигелей под рестораны. А кто сейчас открывает рестораны? Бандиты.

Как-то в комнату, в которой я сидел один, вошел Мулатов.

— Скучаешь? — посмотрел он на мой пустой стол.

— За свой счет даже из Минска перестали к нам ездить, — сказал я.

— Тому, кто заключит с нами договор, заплатим. Ты им скажи. Телефон работает?

— Работает.

— Видишь, у нас и телефон работает, и служебная машина есть. Даже курьера держим. А ты сидишь и ничего не делаешь. Знаешь, как я стал председателем?

— Нет.

— Тогда слушай. Беловежская Пуца у вас?

— У нас.

— Вот. Ельцин, Кравчук и этот ваш...

— Шушкевич.

— Да, Шушкевич. Подписали они в Пуце соглашение, а здесь все струсили. Разбежались, как крысы, и все бросили. Кабинеты стоят пустые. Мы заседаем в конференц-зале, Евтушенко, Черниченко выступают с речами. Твой Адамович тоже выступал. Я поднялся и пошел по кабинетам. Захожу в кабинет первого секретаря... Знаешь такой кабинет?

— Знаю.

— В нем Фадеев сидел. Я захожу и вижу открытый сейф. Представляешь, этот разведчик на фронте языков брал, ему Героя Советского Союза дали. А здесь он бросил открытый сейф. Я открываю дверцу, беру печать Союза писателей и возвращаюсь в конференц-зал. «Вот вы здесь выступаете, — говорю я, — а у меня печать».

Мулатов достал из кармана печать и показал мне.

— Теперь ты понимаешь, как берут власть? — пристально посмотрел он на меня.

— Так было всегда, — сказал я. — Один бросает, второй подбирает. Сначала царь бросил, потом Горбачев.

— Они здесь думали, что самые умные, а печать достать из сейфа не сообразили. Ты скажи своим белорусам, что власть у того, у кого печать.

Он грузными шагами вышел из кабинета.

«Настоящий бай, — подумал я. — В Средней Азии, наверное, все внуки ростовщиков становятся баями. Впрочем, они ими и в Москве становятся».

Через несколько дней по МСПС разнесся слух, что Дудкина нашли на одной из подмосковных платформ с простреленной головой.

— Не в свое дело полез, — усмехнулся Белугин, когда я рассказал ему об этом. — В современном бизнесе выживают не все.

— У тебя вроде все тип-топ?

— Это с виду...

Владимир Ильич издавал журнал «Золото России», и, похоже, денег на него уходило значительно больше, чем ему хотелось бы. Но это отнюдь не мешало Белугину регулярно посещать ресторан Дома литераторов.

Издательство «Советский литератор» изменило не только название, но и всю структуру. Были упразднены должности двух заместителей главного редактора, заведующих почти всех редакций и машбюро. Остались лишь бухгалтерия и производственный отдел.

— Скоро всех уволят, — сказал мне Петр Коваль.

— А кто будет работать?

— Никто, — пожал плечами Петр. — Останутся лишь те издательства, у которых налажена продажа книг. А какая у нас продажа?

Это было правдой.

— Доделаю Есенина и уволюсь, — махнул рукой Коваль.

Он редактировал полное собрание сочинений Есенина в одном томе.

— Ну и как Есенин?

— Очень плохой поэт, — вздохнул Коваль. — Было бы можно, я бы выкинул половину его стихов.

О том, что Есенин плохой поэт, мог сказать только поэт.

«Но выкинуть ничего не посмеешь», — подумал я.

У самого меня в плане издательства «Советский литератор» когда-то стоял сборник повестей и рассказов. Я даже получил шестьдесят процентов гонорара. Но тут наступил девяносто второй год, и все договора с авторами были расторгнуты.

Сейчас я работал в издательстве редактором, но о книге даже не помышлял.

Книги тем не менее в издательстве выходили, и среди них попадались очень хорошие. Я, например, с удовольствием работал над «Загадками русского народа» Садовникова.

— Мохнушка залупается, красным девкам подobaется, — остановил я в коридоре корректоршу Люсю. — Что такое?

— Не знаю, — покраснела она.

— Орех, — сказал я. — А ты что подумала?

— Ничего, — еще больше покраснела она. — Я Есенина читаю.

Поэт Юрий Кузнецов корпел над «Поэтическими воззрениями славян на природу» Афанасьева.

— Обедать пойдем? — заглянул я в его кабинет.

— Сейчас закончу, и пойдем, — строго сказал Кузнецов.

Он вписывал шариковой ручкой в верстку греческие буквы. Никаким другим способом отобразить эти буквы было нельзя.

— Там только греческие буквы или есть и из других алфавитов? — любопытствовал я.

Кузнецов оторвался от верстки и снова посмотрел на меня, сдвинув брови. Я понял, что отвлекаю человека от важного дела.

— Ладно, — сказал я и закрыл дверь.

— А почему вчера после обеда вас не было на рабочем месте? — подскочил ко мне Гена Петров.

— А почему вы следите за мной, как за любимой наложницей? — парировал я.

— Я заместитель генерального директора! — побурел от негодования Петров.

— Ну и пошел в задницу! — отчетливо донеслось из полуоткрытой двери кабинета, в котором сидел Коваль.

Гена подпрыгнул и умчался на второй этаж.

— Сейчас Вепсову пожалуется, — сказал я Ковалю.

— Я этого и добивался, — пробурчал Петр.

— Зачем?

— А чтоб по башке получил.

Коваль как в воду глядел. Гену послали куда подальше не только товарищи по редакторскому цеху, но и начальство.

— Откуда ты знал? — спросил я Ковалья на следующий день.

— На тонущем корабле действуют другие законы, — сказал тот. — Ты небось после обеда к любовнице ходишь?

— Бомблю, — досадливо поморщился я.

Зарплаты, которую я получал в издательстве, на жизнь катастрофически не хватало, и я вынужден был взяться за старое. Заодно знакомился с окраинами Москвы, до которых до этого не добирался.

Вчера повез компанию бритоголовых хлопцев в деревню Чоботы.

— Где это? — спросил я

— Ехай до Новоперделкина, там покажем, — приказал старший из хлопцев.

Название Чоботы мне понравилось, и я поехал.

— «Чобот» по-белорусски «сапог», — сказал я.